

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ

Интенсивные социокультурные изменения в российском обществе, последовавшие за распадом СССР и сменой социального порядка, привели к смене модели межэтнических отношений, принявшей откровенно конфликтный характер, специфический для каждого из регионов России, характеризующихся напряженностью в сфере межэтнических контактов. Одним из регионов России, известных не только широкой этнической палитрой, но и напряженностью межэтнических отношений, является Дагестан, к которому и обращено внимание авторов данной статьи. Чтобы проникнуть в суть межэтнических отношений, разворачивающихся в дагестанском пространстве, авторы решили обратиться к самим акторам этих отношений, т. е. жителям Дагестана. Пространство межэтнических отношений, рассматриваемое в данной работе с позиций конструктивного реализма как конструируемое с помощью естественных и искусственных механизмов в процессе реализации практик межэтнического взаимодействия, во многом определяется восприятием этих отношений. Социологическое измерение межэтнических отношений в Дагестане сквозь призму оценочных суждений самих акторов межэтнического взаимодействия, т. е. представителей дагестанских народов, показало, что межэтнические отношения в Дагестане содержат конфликтный потенциал, на данный момент сохраняющий латентную форму. Выявленное отношение к представителям иных народов как устойчиво отрицательное открыто не демонстрируется, но оно в любой момент обострения межэтнических противоречий

Верещагина Анна Владимировна — доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета (anrietta25@mail.ru)

Vereshchagina Anna — Doctor of Sciences (Sociology), Docent, Professor at the Department of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (anrietta25@mail.ru)

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (madina2405@mail.ru)

Shakhbanova Madina — Doctor of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Department of Sociology, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences (madina2405@mail.ru)

и конфликтов может перейти в открытую и активную фазу. Этими обстоятельствами определяется актуальность не только постоянного мониторинга межэтнической напряженности в данном регионе, но и кардинального переосмысления реализуемых в данном регионе и в России в целом социально-политических практик в области конструирования пространства межэтнических отношений и их регуляции.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, межэтническая напряженность, межэтнические конфликты, этнический статус, этнические стереотипы, дагестанские народы.*

Введение

На рубеже XX–XXI вв. наблюдалась дезинтеграция полиэтничных государственных образований, сопровождавшаяся межэтническими столкновениями и противостоянием, которые во многом опровергли гуманистический миф о планетарном сознании и едином человеке. В этот период в самых разных регионах мира произошло свыше 300 межгосударственных конфликтов разного происхождения, масштаба и длительности, а в более чем 200 систематически применялись вооруженные силы (Блищенко, Солнцева 2010: 25). Среди конфликтов наиболее острыми являются этнополитические, поскольку они часто способствуют ухудшению межэтнического климата и, соответственно, нестабильности в межэтнической сфере различных государств.

Процесс зарождения межэтнических конфликтов сложен и противоречив. Первопричина их не обязательно связана с собственно межэтническими различиями или нетерпимостью к инакомыслию. Динамика межэтнических конфликтов во многом обуславливается обострением непримиримости социальных противоречий и переходом их в состояние противостояния.

Российская Федерация является полиэтничным и поликонфессиональным образованием, причем поколение старше 40 лет хорошо помнит совершенно иную государственную структуру — СССР, а затем его распад и последовавшие за этим сложные и противоречивые процессы. Соответственно, в массовом сознании, особенно старшего поколения, прочно укрепилось восприятие этого события как исторической травмы, выражением которой стало в том числе разрушение позитивной культуры межэтнического общения с последующим ростом агрессии, жестокости, раздражения и культурного отчуждения в отношениях между различными народами России и ее развитие в этноконфликтном формате (Мустафаев 2014). Ухудшению межэтнических отношений в России, в том числе и в Дагестане, способствовала деятельность национальных движений, которые, с одной стороны, вполне обоснованно защищали национальные интересы своего народа, а, с другой, занялись поиском «врагов народа», апеллируя к определенным историческим событиям и фактам, ответственность за которые, совершенно неправомерно, возлагали на соседние народы. Эти и ряд других факторов способствовали ухудшению межэтнического климата и появлению межэтнической напряженности в современном дагестанском обществе, что было усугублено появлением идеологии религиозного экстремизма и терроризма, а также глубоким внутриисламским расколом.

Постсоветский период российского общества характеризуется не только усилением глобализационных процессов, но и ростом значимости этнического фактора, ухудшением межэтнических взаимоотношений, ориентированностью российской власти на укрепление позиций государственно-гражданской (российской) идентичности с целью улучшения межэтнического климата и упрочения межэтнической стабильности в государстве. Исследователи справедливо отмечают, что формат российской идентичности в условиях роста этноцентристских тенденций и ксенофобских настроений должен носить трансэтнический и надконфессиональный характер (Скворцов, Верещагина, Самыгин 2016: 103–104). Однако возникает вопрос: как выйти за пределы этнической и конфессиональной идентификации как распространенных идентификационных стратегий в современном полиэтничном пространстве России и сформировать единую государственно-гражданскую идентичность в обществе, утратившем идеологические и мировоззренческие основания культуры межэтнических отношений и характеризующемся высоким конфликтогенным потенциалом в сфере межэтнического взаимодействия? Одной из набирающих научный вес позиций в этом направлении является цивилизационная, в контексте которой преодоление ограничений этнической и конфессиональной идентификации в процессе формирования единой идентификационной матрицы россиян связывается с образом российской цивилизации (Лубский 2015: 37) как коллективной идентичности, способной активизировать интегративный потенциал российской нации как надэтничного образования. Безусловно, такой идентификационный проект возможен только при условии гармоничных межэтнических отношений, базирующихся на культурном диалоге как платформе межэтнического взаимодействия. Современная реальность демонстрирует отсутствие такой платформы как на уровне международных отношений, так и в пространстве российского общества.

Реальный опыт межэтнических и межкультурных взаимодействий в глобализирующемся мире весьма далек от идиллии. Вместо повсеместных консенсусных взаимоотношений различных этногрупп в рамках единого социума, равного уважения и принятия их культурного своеобразия, учета прав и законных интересов значительно чаще идут совсем другие процессы. Проявления этноцентризма и ксенофобии, структурной дискриминации по национальному признаку, наличие межэтнической напряженности и открытых конфликтов, к сожалению, остаются «знаковым» атрибутом сегодняшней действительности (Южанин 2007: 70).

Российские исследователи на основе данных Стокгольмского международного института изучения проблем мира пришли к выводу, что к концу XX столетия две трети из происходивших в мире социально-групповых конфликтов носили межэтнический характер (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998: 229), ряд исследователей указывает на заметную роль в данном процессе политизированной этничности.

Представляя, в широком смысле, взаимодействие народов в разных сферах общественной жизни — политике, искусстве, науке и т. д., а в узком — межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения — трудовой, семейно-бытовой

и неформальных видах взаимоотношений (Садохин 2006: 236), межэтнические отношения имеют свою яркую специфику в зависимости от ряда факторов, среди которых значимым является этнический состав региона. В этом отношении Дагестан как самый мозаичный в этническом отношении регион России всегда привлекал к себе внимание отечественных исследователей. В современном общественно-политическом и научном пространстве Дагестан получил печальную славу региона с неблагоприятным межэтническим климатом, своего рода эпицентра межэтнической напряженности, в связи с чем мы также решили проникнуть в суть межэтнических отношений, разворачивающихся в дагестанском пространстве, обратившись к самим акторам этих отношений, т. е. жителям Дагестана. Пространство межэтнических отношений, рассматриваемое нами с позиций конструктивного реализма как конструируемое с помощью естественных и искусственных механизмов в процессе реализации практик межэтнического взаимодействия, во многом определяется восприятием характера, степени интенсивности, уровня позитивности этих отношений, а потому значимость приобретает социологическое измерение межэтнических отношений сквозь призму оценочных суждений самих акторов межэтнического взаимодействия — в данном случае, представителей дагестанских народов.

Эмпирическая часть исследования

Социологическое исследование состояния межэтнических отношений и факторов усиления межэтнической напряженности в Республике Дагестан проведено в 2016 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Новоллакском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкале, Дербенте, Каспийске, Кизилюрте, Кизляре, Хасавюрте, N — 945. Основным методом сбора информации являлось анкетирование. Опрос проведен методом случайного отбора, охватив при этом все три географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная), различающиеся между собой как по социально-экономическому развитию, так и в отношении полиэтничности. Проведение исследования в трех географических зонах республики обусловлено тем, что в полинациональных районах состояние межнациональных взаимоотношений сопряжено с определенными проблемами, связанными с территориальным вопросом. Поэтому в ходе исследования для нас прежде всего было важным выявить этническое самочувствие народов, проживающих на одной территории. Выборка построена с учетом: 1) пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики; 2) образовательного уровня; 3) половозрастной специфики, что определяет репрезентативность выборки. Обработка анкет осуществлена в программе FAR. Распределение респондентов по различным параметрам выглядит следующим образом: *по этнической принадлежности*: аварцы (33,8 %), даргинцы (19,5 %), кумыки (17,2 %), лакцы (6,4 %), лезгины (15,3 %), русские (4,1 %), чеченцы (3,7 %); *по образовательному статусу*: базовое среднее — 9,1 %, среднее — 26,6 %, среднее специальное — 48,7 %, высшее и незаконченное высшее — 15,6 %; *по возрасту*: до 20 лет — 32,0 %, от 20 до 30 лет — 28,6 %, от 30 до 40 лет — 15,2 %, от 40 до 50 лет — 12,4 %, от 50 до 60 лет — 7,3 %, от 60 лет и выше — 4,7 %; *по гендерному признаку*: мужчины — 50,3 %, женщины — 49,7 %. Ошибка выборки составляет 3,3 %.

Результаты исследования

При рассмотрении природы и сущности межэтнических отношений важным является осознание их содержания как «взаимодействия этносов по поводу достижения ими самодостаточности», причем *самодостаточность* понимается как способность этноса к «самостоятельному производству и воспроизводству всех необходимых условий для индивидуальной и коллективной жизни» (Малинин и др. 2002: 29).

Для характеристики межэтнической ситуации показательны результаты ответов на вопросы о случаях этнической и религиозной дискриминации. В нашем исследовании один из вопросов был направлен на выявление непосредственного проявления дискриминации по этническому и религиозному признакам, изучение факторов, ухудшающих межэтнические отношения в современном дагестанском обществе (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «С какими негативными явлениями в отношениях между представителями дагестанских народов Вам приходилось сталкиваться?»

(варианты ответов даны по этническим группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Этническая принадлежность	Авары	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего
Недружелюбие, неприязненное отношение к представителям других народов	25,3	10,5	32,8	20,8	24,8	31,6	34,1	18,8	24,7
Назначение на престижные посты по национальному признаку	34,4	35,0	34,5	47,2	36,4	26,3	31,8	62,5	35,9
Агрессивные действия со стороны молодежи на национальной почве	11,3	14,0	21,6	15,3	10,1	15,8	15,5	18,8	14,2
Агрессивные действия со стороны молодежи на религиозной почве	12,7	9,1	6,9	23,6	17,8	15,8	3,9	25,0	12,0
Оскорбление по признаку национальной принадлежности	10,0	9,1	6,0	2,8	6,2	21,1	8,5	12,5	8,2
Оскорбление по признаку религиозной принадлежности	10,4	4,2	3,4	2,8	9,3	10,5	8,5	12,5	7,3
Не сталкивался	19,0	46,9	12,1	22,2	25,6	26,3	19,4	31,3	24,5

Полученные результаты опроса показывают, что отрицательным фактором в межэтнических отношениях выступает «назначение на престижные посты по национальному признаку», превалирующее с большим отрывом от других позиций. По этнической принадлежности на него указал каждый второй опрошенный среди лакцев, а в остальных подгруппах — каждый третий опрошенный. Если проанализировать полученные результаты по образовательному и возрастному признакам, то данной позиции придерживаются 30,2 % опрошенных со средним, 39,7 % средним специальным и 40,8 % высшим и незаконченным высшим образованием, 36,6 % «до 20 лет», 36,9 % «от 20 до 30 лет», 36,3 % «от 30 до 40 лет», 34,9 % «от 40 до 50 лет», 44,2 % «от 50 до 60 лет» и меньше их в когорте «от 60 лет и выше» (21,4 %).

Не меньшую озабоченность у опрошенных вызывает «недружелюбие, неприязненное отношение к представителям других народов», что отмечается каждым третьим опрошенным среди русских, чеченцев и кумыков, каждым четвертым опрошенным среди аварцев и лезгин, каждым пятым опрошенным среди лакцев. Наличие интолерантности в массовом сознании дагестанцев по образовательному признаку отмечено 27,7 % опрошенных со средним, 25,3 % со средним специальным и 19,9 % с высшим и незаконченным высшим образованием. По возрасту можно заметить отличия: у диаметрально противоположных по возрасту групп — «до 20 лет» (34,8 %) и «от 60 лет и выше» (35,7 %) имеет место позиция об отсутствии толерантности во взаимоотношениях дагестанских народов, в то время как в других группах доля таковых на порядок ниже — 24,0 % «от 20 до 30 лет», 16,5 % «от 30 до 40 лет», 16,0 % «от 40 до 50 лет», 17,3 % «от 50 до 60 лет».

По всему массиву, как показало проведенное исследование, каждый четвертый опрошенный не сталкивался с негативным этническим поведением в отношениях между представителями дагестанских народов. По национальной принадлежности в этом плане оказалось больше отметивших данную позицию среди даргинцев (каждый второй опрошенный), лезгин и русских (каждый четвертый опрошенный), лакцев и аварцев (каждый пятый опрошенный) и меньше всего среди респондентов кумыков (каждый восьмой). Отсутствие отрицательных тенденций в межнациональной сфере подчеркивается опрошенными со средним (24,6 %), средним специальным (21,6 %), высшим и незаконченным высшим образованием (26,5 %), а также 17,6 % респондентов «до 20 лет», 16,8 % «от 20 до 30 лет», 32,4 % «от 30 до 40 лет», 32,1 % «от 40 до 50 лет», 36,5 % «от 50 до 60 лет» и 17,9 % «от 60 лет и выше».

Обращает на себя внимание отмеченное каждым восьмым опрошенным по всему массиву суждение «агрессивные действия со стороны молодежи на религиозной почве». Его выбрал каждый четвертый опрошенный среди лакцев, каждый шестой опрошенный среди лезгин и русских, каждый восьмой опрошенный среди аварцев. С возрастом увеличивается доля придерживающихся данного суждения — 10,9 % со средним, 10,8 % со средним специальным и 15,0 % с высшим и незаконченным высшим образованием. При этом наблюдается уменьшение доли таковых с возрастом: 13,6 % респондентов «до 20 лет», 14,5 % «от 20 до 30 лет», 11,5 % «от 30 до 40 лет», 11,3 % «от 40 до 50 лет», 3,8 % «от 50 до 60 лет» и 7,1 % «от 60 лет и выше». Объяснить это можно, на наш

взгляд, тем, что молодежь разного вероисповедания, в отличие от старшего поколения, вероятно, имеет более интенсивные социальные контакты. Следует отметить, что наличие такой позиции в массовом сознании дагестанских народов вызывает тревогу по самым разным причинам. Можно сказать, что «ползучее» проникновение исламских ценностей в образовательную сферу, не говоря о семейно-брачной сфере (она там даже в атеистический период не теряла своих позиций) может иметь далеко идущие последствия. Особую тревогу вызывает стремление религиозного духовенства влиять на политический процесс в современном дагестанском обществе, активное вмешательство в избирательную систему практически каждого уровня, начиная с муниципального и заканчивая федеральным. Например, представители движения «Народ против коррупции» заявили, что от их партии в Госдуму по Северному одномандатному округу будет баллотироваться один из лидеров этого движения. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: «Каким будет участие представителей местной православной епархии и еврейской религиозной общины в депутатском корпусе республики, тем более что дагестанское общество является не только полиэтничным, но и поликонфессиональным?». Игнорирование интересов представителей немусульманских конфессий вполне может обострить межрелигиозные и, соответственно, межэтнические отношения в республике.

Если обратиться к результатам опроса, то с «оскорблением по признаку национальной принадлежности» сталкивался каждый пятый опрошенный среди русских и каждый десятый опрошенный среди аварцев. Доля таковых в остальных этнических подгруппах представлена заметно меньше; в возрастном же разрезе, по сравнению с другими подгруппами, доля таковых заметно больше среди респондентов «до 20 лет» (11,7 %) и меньше в остальных подгруппах — «от 20 до 30 лет» (6,7 %), «от 30 до 40 лет» (7,1 %), «от 40 до 50 лет» (4,7 %), «от 50 до 60 лет» (1,9 %), «от 60 лет и выше» (7,1 %). По образовательному признаку доля таковых варьируется в пределах от 8,4 % респондентов, имеющих среднее образование, до 8,7 % респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием. Проблема русского населения, которая остро заявила о себе в 90-х гг. прошлого столетия, несмотря на предпринятые на республиканском уровне меры, к сожалению, не нашла своего разрешения. Кроме того, каждый десятый опрошенный среди русских и аварцев, 10,3 % опрошенных в возрасте «до 20 лет» и 14,3 % «от 60 лет и выше», 9,3 % со средним образованием сталкивался с «оскорблением по признаку религиозной принадлежности».

В нашем исследовании значительное внимание было уделено вопросу о возможности возникновения конфликта на этнической почве, а потому изучение межэтнической напряженности в современном дагестанском обществе потребовало выявления возможного поведения опрошенных представителей дагестанских народов в ситуации межэтнического противостояния (см. табл. 2).

Полученные данные в ходе проведения опроса позволили констатировать, что, в целом, не очень большая часть опрошенных уверена в невозможности этноконфликтов, но каждый третий опрошенный свое участие в межнациональном конфликте ставит в зависимость от обстоятельств. По этнической принадлежности распределение ответов показало, что каждый второй опрошенный среди даргинцев, каждый третий опрошенный среди лакцев и лезгин,

Распределение ответов на вопрос: «Примете ли Вы участие в межэтническом конфликте, если это касается интересов Вашего народа?»

*(варианты ответов даны по этническим группам
в % от общего количества опрошенных)*

Варианты ответов // Этническая принадлежность	Да, и буду активно отстаивать национальные интересы моего народа	Да, из чувства солидарности	Это зависит от обстоятельств	Ни в коем случае	Нет, хотя я буду солидарен со своим народом	Нет, потому что это может привести к гражданской войне	Затрудняюсь ответить
Аварцы	22,2	12,2	27,6	14,5	13,1	11,8	4,5
Даргинцы	16,1	9,8	49,0	7,0	9,1	11,2	7,7
Кумыки	40,5	14,7	22,4	6,0	2,6	6,0	6,0
Лакцы	18,1	2,8	31,9	6,9	22,2	13,9	6,9
Лезгины	25,6	5,4	36,4	5,4	11,6	17,8	0,8
Русские	15,8	0	21,1	15,8	10,5	26,3	15,8
Чеченцы	45,0	17,1	15,5	12,4	9,3	8,5	1,6
Другие	18,8	6,3	31,3	25,0	0	25,0	0
Всего:	27,1	10,7	30,3	9,9	10,7	12,1	4,6

каждый четвертый опрошенный среди аварцев, каждый пятый опрошенный среди кумыков и русских, каждый шестой опрошенный среди чеченцев, 25,6 % со средним, 33,5 % со средним специальным, 34,0 % с высшим и незаконченным высшим образованием, 28,9 % респондентов «до 20 лет», 29,1 % «от 20 до 30 лет», 37,9 % «от 30 до 40 лет», 34,0 % «от 40 до 50 лет», 15,5 % «от 50 до 60 лет» и 32,1 % «от 60 лет и выше» находятся в состоянии тревожности или возможности появления межэтнической напряженности. При этом каждый четвертый опрошенный по всему массиву, согласно результатам опроса, «будет активно отстаивать национальные интересы своего народа», и доля таковых, по сравнению с другими подгруппами, заметно больше среди чеченцев и кумыков (каждый второй опрошенный). По образовательному и возрастному критериям данную позицию разделяют 32,3 % со средним, 21,1 % со средним специальным, 24,3 % с высшим и незаконченным высшим образованием, 31,9 % респондентов «до 20 лет», 27,9 % «от 20 до 30 лет», 22,5 % «от 30 до 40 лет», 16,0 % «от 40 до 50 лет», 34,6 % «от 50 до 60 лет» и 28,6 % «от 60 лет и выше». Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что респонденты независимо от своего образовательного статуса и возраста настроены довольно «агрессивно» и намерены защищать этнические интересы своего народа, при-

чем больше всего их среди опрошенных с низким образовательным статусом, как в молодежной среде, так и среди взрослого населения Дагестана.

При формулировке данного вопроса и вариантов ответа была выдвинута гипотеза, что препятствием для активного участия дагестанских народов в межэтническом противостоянии является страх перед гражданской войной, которая легко может вспыхнуть в таком полиэтничном образовании, как Дагестан. Наше предположение результатами социологического исследования не подтвердилось, и данная позиция занимает третье место среди предложенных семи вариантов ответа. По сравнению с другими подгруппами больше отметивших суждение «нет, потому что это может привести к гражданской войне» среди русских респондентов (каждый четвертый опрошенный) и меньше всего — среди опрошенных кумыков. При этом с ростом образовательного уровня и возраста наблюдается увеличение доли опрошенных, осознающих негативные последствия межнационального конфликта, среди которых: 9,8 % со средним, 12,4 % со средним специальным, 15,9 % с высшим и незаконченным высшим образованием, 10,6 % респондентов «до 20 лет», 16,2 % «от 20 до 30 лет», 6,0 % «от 30 до 40 лет», 14,2 % «от 40 до 50 лет», 25,0 % «от 50 до 60 лет» и 17,9 % «от 60 лет и выше». Исследование показало, что каждый девятый опрошенный по всему массиву не будет принимать участие в межнациональном конфликте, хотя «будет солидарен» со своим народом. Доля таковых, по сравнению с другими подгруппами, больше среди опрошенных аварцев, лезгин, лакцев, русских и меньше всего среди кумыков. При этом «неагрессивную активность», если можно так выразиться, демонстрируют респонденты с высоким образовательным статусом, имеющие высшее и незаконченное высшее образование (11,8 %), в отличие от опрошенных со средним и средним специальным образованием (по 9,8 %). Примерно такая же картина наблюдается и по возрастному признаку: с возрастом увеличивается доля ориентированных на поддержание национальных интересов своего народа при отказе принимать участие в этноконфликтах: таковых 9,2 % «до 20 лет», 7,8 % «от 20 до 30 лет», 12,1 % «от 30 до 40 лет», 13,2 % «от 40 до 50 лет», 13,5 % «от 50 до 60 лет» и 10,7 % «от 60 лет и выше». Далее, по всему массиву менее 10 % опрошенных придерживаются позиции «ни в коем случае», а по этнической принадлежности отметивших данную позицию больше всего среди аварцев, русских и чеченцев. По возрастному и образовательному критериям ответы распределились следующим образом: 12,1% «до 20 лет», 8,9 % «от 20 до 30 лет», 9,9 % «от 30 до 40 лет», 8,5 % «от 40 до 50 лет», 7,7 % «от 50 до 60 лет» и 14,7 % «от 60 лет и выше», 11,2 % со средним, 12,4 % со средним специальным, 8,7 % с высшим и незаконченным высшим образованием. Как видим, результаты нашего исследования продемонстрировали довольно противоречивые позиции опрошенных представителей дагестанских народов. Тревогу вызывает наличие в их массовом сознании и доминирование в той или иной степени ориентированности на возможность участия в межэтническом конфликте.

В исследовании межэтнической напряженности значительный интерес также представляет проявление уровней этнической симпатии, что определяет необходимость выявления подгрупп, испытывающих этническую симпатию к представителям других народов и этническую антипатию как проявление

негативных чувств к конкретным этническим группам. Однако надо понимать, что предпочтение позиций этнической симпатии / антипатии вовсе не констатирует ориентированность опрошенных на поддержание дружественных или же, наоборот, враждебных установок по отношению к представителям иноэтнических общностей. Это может свидетельствовать о наличии в массовом сознании оценочных суждений о представителях тех или иных этносов, а также о существовании определенных признаков ксенофобии, впрочем, как и этнофобии. В силу своей актуальности, а также по причине огромной роли, которую могут сыграть этнические установки в усилении межэтнической напряженности, респондентам был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в данной сфере тенденции (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Испытываете Вы лично раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то других народов?»

*(варианты ответов даны по этническим группам
в % от общего количества опрошенных)*

Варианты ответов // Этническая принадлежность	Да	Скорее да	Нет	Скорее нет
Аварцы	15,4	14,0	56,1	12,7
Даргинцы	5,6	4,9	80,4	10,5
Кумыки	8,6	16,4	49,1	24,1
Лакцы	2,8	11,1	58,3	23,6
Лезгины	3,1	7,8	69,0	17,8
Русские	5,3	5,3	73,7	10,5
Чеченцы	15,5	13,2	54,3	12,4
Другие	0	6,3	81,3	6,3
Всего:	9,3	11,1	62,0	15,4

Наше исследование показало, что больше половины опрошенных респондентов, независимо от их этнической принадлежности, не испытывает негативных чувств по отношению к представителям других этносов, и здесь заметно выделяются даргинцы, русские и лезгины, доля которых значительно выше по сравнению с другими подгруппами. Из опрошенного подмассива выделяются респонденты кумыки, среди которых только каждый второй опрошенный отмечает данную позицию, причем они демонстрируют крен в сторону «скорее нет». Схожую позицию по данному вопросу проявили и респонденты чеченцы. По возрастному и образовательному критериям доля таковых составляет 59,9 % «до 20 лет», 59,2 % «от 20 до 30 лет», 68,1 % «от 30 до 40 лет», 66,0 % «от 40 до 50 лет», 69,2 % «от 50 до 60 лет» и 57,1 % «от 60 лет и выше», 61,1 % со средним, 59,3 % со средним специальным, 68,8 % с высшим и незаконченным высшим образованием, что свидетельствует о существовании в массовом сознании опрошенных дагестанцев толерантных установок в отношении представителей иноэтнической общности.

Среди испытывающих раздражение или неприязнь по отношению к представителям другой национальной группы выделяются опрошенные аварцы и чеченцы, в то время как доля таковых среди других народов заметно ниже. По сравнению с другими возрастными подгруппами процентное соотношение испытывающих раздражение и неприятие к представителям другого народа больше среди респондентов «до 20 лет» (12,8 %) и «от 60 лет и выше» (25,0 %), а также имеющих среднее специальное образование (10,3 %), в то время как доля таковых со средним, высшим и незаконченным высшим образованием «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» равняется 9,5 %, 7,5 %, 7,3 %, 4,9 %, 9,4 %, 3,8 % соответственно. Интолерантные установки также проявили опрошенные аварцы, чеченцы и кумыки, которые значительно чаще выбирали позицию «скорее испытывающих неприязнь» к представителям других народов. Вариант ответа «скорее нет» можно интерпретировать по-разному — как отсутствие негативизма, а также как своеобразную попытку уклонения от выражения своего отношения к представителям той или иной этнической группы, впрочем, как и отсутствие у опрошенных стремления к оценочным суждениям по этническому признаку. Примечательно, что утвердительный ответ о наличии неприязни, хотя и у заметно меньшей доли опрошенных, при дальнейшей их конкретизации очень часто имеет абстрактный характер и не затрагивает отдельные народы, отражая «образы» или категории, составленные на основе присутствующих в обществе отрицательных этнических стереотипов. Таким образом, в рамках нашей выборочной совокупности доля отрицательных представлений относительно отдельных этнических групп в абсолютных величинах является минимальной, из чего можно сделать вывод о нераспространенности негативных этнических стереотипов в дагестанском обществе в целом.

Не менее важным в нашем исследовании стало установление, во-первых, факторов формирования интолерантности по этническому признаку, во-вторых, ее проявления в разных сферах социального взаимодействия, что определило необходимость обращения к причинам неприязненного отношения по этническому критерию (см. табл. 4).

Приведенные данные показывают, что основной причиной неприязненного отношения выступает то, что «одни народы хотят заявить себя хозяевами на землях других народов», подчеркнутое каждым третьим опрошенным по всему массиву. Обращает на себя внимание и то, что данную позицию, по сравнению с другими дагестанскими народами, поддерживают больше половины опрошенных кумыков, в то время как среди остальных респондентов данное мнение разделяет каждый второй опрошенный среди лакцев, каждый третий опрошенный среди русских и чеченцев, каждый четвертый опрошенный среди аварцев и лезгин, каждый пятый опрошенный среди даргинцев. По возрасту и образованию в когорте «от 20 до 30 лет» и «от 50 до 60 лет» доля поддерживающих данное суждение представлена каждым вторым опрошенным и каждым третьим опрошенным в разрезе «до 20 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 60 лет и выше», со средним, средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием.

Второй по степени важности причиной, порождающей межэтническую неприязнь, является «различие в поведении и образе жизни людей». Иными

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, с чем связана межэтническая неприязнь?»
*(варианты ответов даны по этническим группам
 в % от общего количества опрошенных)*

Варианты ответов // Этническая принадлежность	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего
С различием в поведении и образе жизни людей	27,1	30,8	20,7	20,8	32,6	21,1	17,8	25,0	25,6
С конкуренцией за престижную работу	25,3	32,2	26,7	26,4	20,9	10,5	22,5	31,3	25,4
С тем, что одни народы хотят заявить себя хозяевами на землях других народов	26,7	18,2	70,7	48,6	27,9	36,8	36,4	18,8	34,9
С унижением, оскорблением и угрозами в адрес людей другой национальной принадлежности	23,5	16,1	12,9	6,9	26,4	31,6	30,2	12,5	20,8
С осквернением, разрушением национальных памятников, религиозных учреждений (мечетей, храмов) других народов	15,4	10,5	5,2	5,6	13,2	0	15,5	12,5	11,6
С неуважительным отношением к культуре местного населения	18,6	27,3	16,4	9,7	20,9	42,1	21,7	18,8	20,4
Со стремлением представителей других народов навязать свои правила поведения и культурные ценности	16,7	11,9	21,6	15,3	28,7	42,1	27,1	18,8	20,5

словами, на уровне повседневных взаимодействий опрошенные представители дагестанских народов в равной степени связывают негативное отношение к представителям другой этнической группы с различием в поведении и образе жизни. По этнической принадлежности разделяющих данное суждение больше всего оказалось среди респондентов даргинцев и лезгин, а по возрасту и образованию доля таковых составляет 28,2 % «до 20 лет», 21,2 % «от 20 до 30 лет», 26,9 % «от 30 до 40 лет», 26,4 % «от 40 до 50 лет», 19,2 % «от 50 до 60 лет» и 21,4 % «от 60 лет и выше», 21,8 % со средним, 25,3 % со средним специальным, 28,0 % с высшим и незаконченным высшим образованием. Совпадение в оценках респондентов этнических групп может сигнализировать о том, что их претензии

адресованы одним и тем же иноэтничным представителям, не проживающим постоянно на территории Дагестана. Именно приезжим, а не местным чаще предъявляются претензии подобного рода — нарушение норм повседневной культуры, нежелание считаться с окружающими и т. д.

Далее, каждого четвертого опрошенного по всему массиву, такую же часть респондентов аварцев, кумыков, лакцев, в возрастных подгруппах «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», респондентов со средним и средним специальным образованием, каждого третьего опрошенного среди даргинцев, в возрастном разрезе «от 40 до 50 лет» и «от 50 до 60 лет», имеющих высшее и незаконченное высшее образование, каждого пятого опрошенного среди лезгин и чеченцев, а также в возрасте «до 20 лет» волнует проблема конкуренции за престижную работу. Не менее значимым является наличие в обществе проблемы унижения, оскорбления и угроз в адрес людей другой этнической принадлежности: на нее указывает каждый третий опрошенный среди чеченцев, русских, в возрасте «до 20 лет» и «от 60 лет и выше», каждый четвертый опрошенный среди лезгин, аварцев и имеющих среднее образование, каждый пятый опрошенный со средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием, каждый шестой опрошенный «от 20 до 30 лет» и «от 30 до 40 лет». В тесной связке с различиями в образе жизни и поведения находится стремление представителей других народов навязать свои правила поведения и культурные ценности представителям местного сообщества. Мы можем предположить, что демонстрируемое опрошенными представителями дагестанских народов неприязненное отношение к иноэтническим общностям больше направлено на мигрантов, агрессивное отношение к которым может быть проявлено в ситуации неуважения ими культуры местного населения — так считает каждый второй опрошенный среди русских, каждый четвертый опрошенный среди даргинцев, каждый пятый опрошенный среди аварцев, лезгин и чеченцев, каждый шестой опрошенный среди кумыков. Если посмотреть на результаты ответа по данному варианту с позиции возраста респондентов, то его разделяют 28,2 % опрошенных в подгруппах «до 20 лет», 18,4 % «от 20 до 30 лет», 14,8 % «от 30 до 40 лет», 17,0 % «от 40 до 50 лет», 5,8 % «от 50 до 60 лет» и 35,7 % «от 60 лет и выше», а с позиции образовательного уровня — каждый четвертый опрошенный со средним, каждый пятый опрошенный с высшим и незаконченным высшим, каждый шестой опрошенный со средним специальным образованием. Любопытно, что, согласно мнению опрошенных, меньше всего может спровоцировать межэтническую неприязнь оскорбление и разрушение национальных памятников, религиозных учреждений (мечетей, храмов) других народов. По данной позиции (по этнической принадлежности) была зафиксирована почти одинаковая доля респондентов аварцев и чеченцев.

Таким образом, мотивация причин отрицательного отношения начинает заметно варьировать по этническому признаку, когда дело касается конкуренции на рынке труда и ущемления чувства «хозяин земли», причем данный фактор намного ближе респондентам кумыкам. Эта причина раздражения может рассматриваться как иррациональная, основанная на нагнетаемом страхе утраты. Дагестанские исследователи подчеркивают, что миграция населения горных районов на равнину имела как положительные, так и отрицательные

последствия. Если в советский период политика переселения была направлена на разрешение проблем трудовых ресурсов, то в дальнейшем она породила очень сложную проблему — земельный вопрос и территориальные споры, которые значительно ухудшают межэтнические отношения в республике (Шахбанова 2016: 121). В такой сложной ситуации возникает вопрос о том, какие действия способны разрядить сложившуюся межэтническую ситуацию. Кроме того, необходимо обозначить механизм выработки национальной политики, способной разрешить межэтническое противостояние, на что было обращено внимание в нашем исследовании (см. табл. 5).

Полученные результаты опроса показывают, что стабилизации межэтнических отношений в современном дагестанском обществе может способствовать «улучшение условий жизни дагестанских народов», отмеченное каждым вторым опрошенным среди лакцев, каждым третьим опрошенным среди даргинцев, лезгин и русских, каждым четвертым опрошенным среди аварцев, каждым шестым опрошенным среди кумыков. Доля придерживающихся данной позиции респондентов тем выше, чем выше их возраст и образовательный статус: 24,5 % «до 20 лет», 27,4 % «от 20 до 30 лет», 34,6 % «от 30 до 40 лет», 31,1 % «от 40 до 50 лет», 38,5 % «от 50 до 60 лет» и 25,0 % «от 60 лет и выше», 22,1 % со средним, 23,7 % со средним специальным, 37,7 % с высшим и незаконченным высшим образованием. С данным фактором тесно связана необходимость «стабилизации экономики и экономического роста», на которую указал каждый третий опрошенный среди кумыков, лакцев, имеющих среднее специальное и высшее и незаконченное высшее образование; во всех возрастных подгруппах, за исключением подгруппы «до 20 лет», каждый четвертый опрошенный среди аварцев, даргинцев, лезгин и русских; каждый пятый опрошенный среди респондентов со средним образованием.

Не менее остро в республике стоит проблема безработицы, которая негативно сказывается на межэтнических отношениях, поэтому в установках русских и аварцев она занимает первое место, второе — у даргинцев, лезгин и лакцев. Опрошенные чеченцы поставили ее на шестое место, а кумыки — на седьмое. По сравнению с другими подгруппами разделяющих данное суждение заметно больше среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием (30,5 %) и в возрастной подгруппе «от 30 до 40 лет» (40,7 %).

Заметное влияние на улучшение межэтнического взаимодействия оказывает «защита национальных интересов всех дагестанских народов», и данное суждение близко каждому третьему опрошенному среди кумыков, в то время как доля таковых среди остальных подгрупп в 2 — 2,5 раза меньше. Каждый шестой опрошенный по всему массиву отмечает необходимость соблюдения принципов равенства всех перед законом, причем на нее указал каждый четвертый опрошенный среди русских, каждый пятый среди опрошенных даргинцев, лезгин и аварцев. Проблема клановости и тесно связанной с ней коррупции актуальна не только для дагестанского общества — она характерна практически для всех российских субъектов. Несмотря на болезненность данного вопроса, доля отметивших его в качестве значимого в улучшении межэтнических отношений в республике заметно больше среди опрошенных русских, лакцев и аварцев.

**Распределение ответов на вопрос: «Какие меры могут способствовать
улучшению межэтнических отношений в Республике Дагестан?»**

*(варианты ответов даны по этническим группам
в % от общего количества опрошенных)*

Варианты ответов // Этническая принадлежность	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Стабилизация экономики и экономический рост	27,1	25,2	35,3	37,5	27,9	26,3	17,1	12,5	27,1
Решение проблем репрессированных народов	3,6	1,4	4,3	5,6	3,9	0	16,3	6,3	5,4
Решение проблем народов, принудительно переселенных на территорию репрессированных народов	8,6	5,6	2,6	37,5	4,7	0	12,4	12,5	9,6
Решение национальных проблем малочисленных дагестанских народов	11,8	2,8	2,6	2,8	7,0	5,3	23,3	0	8,9
Улучшение условий жизни дагестанских народов	28,1	35,0	18,1	43,1	37,2	31,6	14,0	37,5	28,6
Решение проблемы безработицы	29,0	34,3	14,7	37,5	27,9	42,1	17,1	31,3	27,0
Защита национальных интересов всех дагестанских народов	12,7	13,3	32,8	13,9	22,5	10,5	10,9	31,3	17,2
Профилактика религиозного экстремизма	11,3	16,1	6,0	19,4	11,6	15,8	9,3	12,5	12,0
Создание благоприятного климата для развития национальных культур всех дагестанских народов	14,5	9,1	3,4	8,3	10,1	5,3	8,5	0	9,5
Создание благоприятных условий для изучения национальных языков всех дагестанских народов	10,9	2,8	0,9	6,9	1,6	0	13,2	6,3	6,4
Искоренение клановости	15,8	12,6	7,8	20,8	7,0	31,6	10,1	31,3	13,0
Противодействие коррупции в сфере образования и здравоохранения	14,5	14,7	4,3	18,1	14,7	21,1	6,2	18,8	12,4
Ограничение миграции в республику	1,4	0,7	1,7	5,6	1,6	10,5	3,9	0	2,2
Равенство всех перед законом	18,1	21,7	10,3	13,9	18,6	26,3	9,3	25,0	16,3

Для современного российского общества проблема религиозного экстремизма и терроризма является одной из самых больших угроз, и заметнее всего она проявляется на территориях республик Северного Кавказа, хотя, как показывает практика, в свои ряды экстремисты вовлекают молодое поколение, исповедующее не только мусульманство, но и иные вероучения, имеющее высокий образовательный статус, обучающееся в престижных учебных заведениях страны. Но в массовом сознании опрошенных представителей дагестанских народов, несмотря на свою злободневность, данная проблема в полной мере не нашла своего отражения. По этнической принадлежности только каждый пятый опрошенный среди лакцев, каждый шестой опрошенный среди даргинцев и русских, каждый девятый опрошенный среди лезгин и аварцев отметил необходимость профилактики религиозного экстремизма с целью улучшения межэтнических отношений в республике. Необходимость противодействия коррупции в сфере образования и здравоохранения отмечена каждым пятым опрошенным среди русских, каждым шестым опрошенным среди лакцев, каждым седьмым опрошенным среди аварцев и даргинцев.

В 1990-е гг. в республике остро давала о себе знать проблема взаимоотношений репрессированных и принудительно переселенных народов, которая усиливала межэтническую напряженность и противостояние в районах проживания чеченцев-аккинцев, с одной стороны, и аварцев и лакцев, с другой стороны. Каждый третий опрошенный среди лакцев считает, что улучшению межэтнических отношений может способствовать «решение проблем народов, принудительно переселенных на территорию репрессированных народов», и доля таких среди аварцев почти в 3 раза меньше, хотя в выборку было включено проживающее в Казбековском районе аварское население. При этом только каждый шестой опрошенный среди чеченцев отмечает необходимость решения проблем репрессированных народов. Результаты опроса по подмассиву (Казбековский район) показывают, что всего 3,9 % респондентов аварцев отмечают необходимость «решения проблем репрессированных народов», и таких в 5 раз больше среди респондентов чеченцев, что вполне закономерно. Среди аварцев доля отметивших суждение о том, что «решение проблем народов, принудительно переселенных на территорию репрессированных народов» позволит разрядить межэтническую ситуацию, составляет 8,7 %, а среди чеченцев 18,2 %, и доля таких заметно больше среди респондентов лакцев из Новолакского района. Далее, каждый второй опрошенный среди лакцев из Новолакского района и каждый пятый опрошенный среди чеченцев из Казбековского района отмечает необходимость «защиты национальных интересов всех дагестанских народов», в то время как доля таких среди аварцев из этого же района намного меньше (7,9 %).

На необходимость создания благоприятного климата для развития национальных культур всех дагестанских народов указал каждый одиннадцатый опрошенный по всему массиву. По этнической принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, таких больше среди респондентов аварцев, лезгин и даргинцев. Статистически небольшая доля опрошенных отметила необходимость создания благоприятных условий для изучения национальных языков всех дагестанских народов, и здесь выделяются респонденты аварцы и чеченцы.

В целом, наше исследование показало, что для жителей Дагестана малозначима миграционная проблематика, поэтому в ней они не усматривают потенциал ухудшения / улучшения межэтнических отношений в республике. Это свидетельствует о том, что межэтнические отношения в Дагестане детерминированы, прежде всего, проблемами внутреннего характера, обусловленными исторической траекторией развития межэтнических контактов, во многом определяющей современную специфику межэтнического взаимодействия между представителями населяющих данную республику народов.

Заключение

Несмотря на то, что, как показало проведенное нами исследование, негативные этнические стереотипы, определяющие отрицательный характер представлений об отдельных этнических группах, в современном дагестанском обществе не являются распространенными и детерминирующими сферу межэтнических отношений, оценивать сложившуюся межэтническую обстановку в республике как лишенную проблем и деструктивно влияющих факторов было бы неверно с точки зрения российской реальности и научной объективности. При отсутствии на современном этапе открытых межэтнических столкновений как повседневных практик в процессе межэтнической коммуникации народов Дагестана не могут не вызывать тревогу выявленные нами факторы формирования интолерантных установок по этническому признаку, проявляющихся в разных сферах социального взаимодействия.

Иными словами, этническая интолерантность, на данный момент не выраженная в формах открытого межэтнического противостояния и конфликтного поведения на массовом уровне, становится фактором структурирования социальных отношений и взаимодействий в сфере политики, экономики, труда и т. д., закрепляя сложившуюся в 1990-е гг. ситуацию доминанты этнического фактора в жизни народов России, в том числе и Дагестана (Денисова 1996). Наличие в массовом сознании дагестанских народов латентно существующего, открыто не демонстрируемого интолерантного отношения к представителям иных народов в ситуации обострения межэтнических отношений потенциально способно трансформироваться в открытые конфликтные практики межэтнического взаимодействия. Эта убежденность базируется на высокой ориентированности отстаивать национальные и конфессиональные интересы своего народа, распространенной среди дагестанских народов.

Фактором, провоцирующим межэтническую напряженность в Дагестане, выступают национал-экстремистские и религиозно-экстремистские тенденции, особенно явно наблюдаемые в молодежной среде, что, с учетом вышеперечисленного, дополняется множественностью проявления типов социальной идентичности, неразвитостью основ гражданского общества, относительной слабостью государственно-гражданской (общероссийской) идентичности на фоне усиления республиканской идентичности и формирует пространство рисков в социальном поле межэтнических коммуникаций современного Дагестана.

На вопрос о том, в чем причина дестабилизации межэтнической ситуации и накопления рисков в межэтническом коммуникативном пространстве совре-

менного дагестанского общества, сложно ответить однозначно, однако полученные в ходе проведения эмпирического социологического исследования результаты, а также официальные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что таких причин несколько:

— во-первых, это кардинальные изменения этнической структуры Дагестана вследствие динамики миграционных процессов, в ходе которых был нарушен существовавший этнический баланс, прежде всего, за счет оттока русского населения и внутренних потоков миграции из горных районов республики в равнинные, которые, продолжаясь и по сей день, в значительной степени влияют на этническую структуру данного региона и провоцируют риски межэтнической напряженности;

— во-вторых, наличие этнокультурных и этноконфессиональных отличий в рамках единого поликультурного пространства, в условиях разрушения культуры межэтнического общения и интернациональной идеологии, в границах которой она формировалась, превращающихся в источник десоциализации народов Дагестана, их локализации на собственных этнических мирах и нежелании вступать в конструктивный межкультурный диалог. Собственно, для такого диалога в современном Дагестане, как и в российском обществе в целом, отсутствует площадка в виде диалоговой культуры, которую необходимо «выращивать», культивировать в молодежной среде с ранних лет с тем, чтобы воспринять собственной этнокультурной уникальности, бесспорно, важной для развития каждого народа, не препятствовало уважительному отношению и восприятию иных этнокультурных миров и их представителей. Думается, что решение этой проблемы возможно только путем синтеза усилий государства и общества во всем его этнокультурном многообразии при решении целого ряда задач, не всегда пересекающихся с вопросами межэтнического взаимодействия, но имеющих первостепенную значимость для их позитивизации. Одной из таких задач, на которую указало большинство опрошенных дагестанцев в нашем исследовании, стала задача улучшения условий жизни дагестанских народов. С ней жители республики, в первую очередь, связывают стабилизацию межэтнических отношений в современном дагестанском обществе, испытывающем серьезные экономические трудности, безусловно, негативно сказывающиеся на уже далеко не бесконфликтном пространстве межэтнических отношений. Мы полагаем, что экономические меры стабилизации межэтнических отношений в Дагестане должны сочетаться с внеэкономическими (идеологическими, культурными, социализационными и т. д.), и только их симбиоз может обеспечить устойчивую платформу для межэтнического согласия в таком мозаичном в этническом отношении регионе, как Дагестан.

Литература

Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сукоколов А.А. *Этносоциология*. М.: Аспект-Пресс, 1998.

Блищенко В.И., Солнцева М.М. *Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века)*. М., 2010.

Денисова Г.С. *Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1996.

Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Межэтнические отношения...

Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // *Гуманитарий Юга России*, 2015, 2: 30–45.

Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. *Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане*. Алматы, 2002.

Мустафаев Ф.М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтничном пространстве российского общества // *Гуманитарные и социальные науки*, 2014, 3 [<http://www.hses-online.ru>].

Садохин А.П. *Этнология*. М., 2006.

Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2016, 6-7: 103–107.

Шахбанова М.М. *Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества*. Махачкала, 2016.

Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // *Социологические исследования*, 2007, 5: 70–77.